

НЕ ЗНАКО МЕЦ

перевод ЕКАТЕРИНЫ РЯБОВОЙ

КЭЙИТИРО
ХИРАНО

роман

МИ∞

МИФ Проза

Кэйитиро Хирано

Незнакомец

«Манн, Иванов и Фербер»

УДК 82-312.4(520)
ББК 84(5Япо)6-445.7

Хирано К.

Незнакомец / К. Хирано — «Манн, Иванов и Фербер», — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195752-2

Захватывающий детектив, исследование самых глубоких вопросов идентичности и история японской культуры под одной обложкой. Жизнь Акиры Кидо, успешного адвоката по разводам, шла своим чередом, пока к нему не обратилась бывшая клиентка Риэ с необычным делом: через год после смерти любимого мужа она обнаружила, что жила и делила постель с совершенно незнакомым человеком, который украл личность и прошлое Дайскэ Танигути. Теперь Кидо предстоит распутать этот клубок лжи и выяснить, кем же на самом деле был муж Риэ, почему он решил пойти на подлог и взять чужое имя... и где же настоящий Дайскэ? Для кого эта книга. Для любителей закрученных сюжетов, которые долго не отпускают после прочтения. Для поклонников романов «Человек-комбини» Саяка Мурата, «Лягушки» Мо Янь, «Голос греха» Такэси Сиота, книг Осаму Дадзая. Для поклонников книг, которые наталкивают на размышления и задают важные вопросы о поиске своего места в мире. Для тех, кому интересно узнать о жизни японцев и их культуре. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-312.4(520)
ББК 84(5Япо)6-445.7

ISBN 978-5-00-195752-2

© Хирано К.
© Манн, Иванов и Фербер

Содержание

Информация от издательства	6
Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кэйитиро Хирано Незнакомец

Информация от издательства

Original title:

ある男 (A Man)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Keiichiro Hirano/Cork

Russian translation rights is granted by Keiichiro Hirano licensed through Cork, Inc.

All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2022

* * *

Пролог

Того, кто стал прообразом героя этой истории, я всегда с теплом называл Кидо-сан. Суффикс – *сан* добавляют всегда после фамилии, и неважно, относитесь вы с теплом к человеку или нет, но я думаю, вы скоро поймете, что я имею в виду.

Впервые я увидел Кидо-сан в баре, куда заглянул после одного книжного мероприятия, в котором участвовал.

Мне хотелось как-то прийти в себя после непрерывной беседы в два с половиной часа и только потом идти домой, поэтому я зашел бар, который случайно попался мне по пути. Кидо-сан пил в одиночестве за барной стойкой.

Я невольно подслушал его беседу с барменом. В какой-то момент рассмеялся одной из реплик и присоединился к разговору.

Он представился, но, как оказалось впоследствии, все, что он тогда рассказал о себе, включая имя, было ложью. Хотя в тот момент у меня, разумеется, не было причин сомневаться, поэтому я ему поверил.

Он носил очки в прямоугольной черной оправе, его внешность вряд ли можно было назвать очень красивой, но черты лица были выразительными и подходили к атмосфере полутемного бара. Я еще тогда подумал про себя, что с такой внешностью даже в летах, с проседью и морщинами, можно пользоваться успехом у женщин. Когда я сказал ему об этом, он лишь покачал недоверчиво головой и произнес: «Ну что вы, вовсе нет...»

Когда я рассказал, что пишу книги, он со смущением ответил, что никогда обо мне не слышал, что, в свою очередь, заставило смутиться и меня. Хотя в такие ситуации я попадаю нередко.

Но он проявил нескрываемый интерес к моей профессии, задал несколько вопросов, а в конце вдруг с большим чувством произнес: «Прошу меня простить». Не понимая, к чему эти извинения, я нахмурился. И тогда он признался, что представился вымышленным именем, а на самом деле его зовут Акира Кидо. Он попросил сохранить это в секрете от бармена и добавил, что родился в том же 1975 году, что и я, и работает юристом.

Когда-то я тоже учился на юридическом факультете, но был не слишком старательным студентом. А теперь передо мной сидел человек, который сделал юридическое право своей профессией, что заставило меня немного растеряться. Но благодаря его признанию растерянность не переросла в нечто большее. Ведь вымышленная история, которую он рассказал прежде, была довольно грустной – из тех, что вызывают у окружающих чувство жалости.

Я прямо спросил, к чему был этот обман. Ведь это дурно по отношению к окружающим. Он нахмурился и какое-то время, казалось, пытался подобрать слова.

– То, что я живу чужой болью, помогает мне сохранить себя, – сказал он грустно, а затем слегка улыбнулся. – Знаете, есть же такая поговорка: «Отправился на поиски другого и сам потерялся». Вам известно такое чувство, когда благодаря лжи можешь стать честным? Хотя, разумеется, это лишь на краткое мгновение. Это возможно разве что вот в таких местах. Почему-то я все еще привязан к тому человеку, каким являюсь сам. На самом деле мне бы хотелось размышлять только о себе. Но когда я так поступаю, мне становится только хуже. Однако с этим я не могу справиться. Все остальное в моих силах. Думаю, мне нужно еще немного времени, и тогда необходимость в этом отпадет. Кто бы мог представить, что все так обернется...

Его манера говорить не слишком понятные вещи немного раздражала, но при этом было интересно, что он всем этим решил поделиться именно со мной. К тому же я не мог отбросить нарождающееся чувство симпатии к нему.

– Но вам я расскажу всю правду.

Если исключить начало нашего знакомства и его ложь, Кидо-сан был внимательным, спокойным и приятным человеком. Было видно, что он чувствительный и восприимчивый, а в его высказываниях проглядывал характер большой глубины и сложности.

Я чувствовал себя комфортно в разговоре с ним. Мне было несложно донести до него свои мысли, ведь он хорошо понимал, что я говорю. С таким человеком не каждый день удается встретиться. Тем более мы сошлись и на общей теме – любви к музыке. Поэтому я решил, что необходимость использовать вымышленное имя наверняка была вызвана какими-то серьезными обстоятельствами в его жизни.

В следующий раз, когда я через неделю посетил тот же бар, Кидо-сан, как я и предполагал, вновь оказался там и, как и прежде, пил в одиночестве. Он пригласил меня сесть рядом. В тот раз мы сидели за столиком далеко от бармена. И все следующие наши встречи мы сидели там же, беседуя до поздней ночи.

Он всегда пил водку. Несмотря на худощавое телосложение, он умел пить, и, хотя и говорил, что чувствует приятное опьянение, его интонация оставалась спокойной и, сколько бы часов ни проходило, совсем не менялась.

Мы стали довольно близки. У людей средних лет, как ни странно, редко появляется новый приятель, с которым можно душевно выпить за беседой. Однако наши отношения ограничивались этим баром, ни я, ни он никогда не спрашивали друг у друга телефонных номеров. Думаю, он просто стеснялся. А я, честно признаться, относился к нему все еще настороженно.

Мы уже давно с ним не виделись, и вряд ли я когда-нибудь увижу его вновь. То, что он больше не посещает тот бар, иными словами, необходимость для него в этом пропала, я трактую как положительный знак.

Писатели, сознательно они это делают или нет, всегда ищут вокруг себя людей, которые могут послужить прототипами героев их произведений. Мы ждем, что однажды перед нами неожиданно появится кто-то вроде Мерсо из «Постороннего» Камю или Холли Голайтли из «Завтрака у Тиффани».

Подходящая модель, он или она, должна быть необычным человеком и в то же время обладать чем-то таким, что можно назвать типичным для человеческой природы или определенной эпохи; после с помощью художественного вымысла лишнее будет отсечено, останется лишь символ.

Когда я слышу истории людей, проживших драматическую и полную событий жизнь, я думаю, что из этого могла бы выйти книга. Порой рассказчики вскользь намекают на то, что я могу использовать их жизненный опыт как материал для своих трудов.

Но когда я начинаю серьезно думать о произведении с закрученным сюжетом, что-то останавливает меня. Хотя, если бы я мог это написать, мои книги бы наверняка лучше продавались.

Обычно я нахожу героев своих книг среди тех людей, которых давно знаю.

Поскольку я стараюсь как можно меньше общаться с теми, кто меня не интересует, каждый, с кем я поддерживаю длительные отношения, обладает чем-то особенным. Порой я вдруг неожиданно понимаю, что именно этот человек может стать героем моего следующего романа, являясь тем самым прототипом, которого я так искал.

Возможно, именно люди, на понимание которых я трачу много времени, лучше всего подходят на роль моделей больших романов, ведь их персонажи надолго остаются с читателями.

С нашей второй встречи Кидо-сан постепенно начал рассказывать, почему он использовал вымышленное имя. Это оказалась очень запутанная история. Она затянула меня. Я не понимал, почему он решил рассказать об этом мне, и, в задумчивости скрепя руки на

груди, много размышлял над этим. Конечно же, он не говорил мне, что я могу использовать его историю для сюжета книги, но, возможно, держал это в уме.

Тем не менее решение сделать его моделью пришло ко мне при других обстоятельствах, когда я совершенно случайно встретился с одним адвокатом, который, как оказалось, хорошо знал его.

Когда я стал расспрашивать его о том, какой человек Кидо-сан, тот мне сразу же ответил: – Просто замечательный. Он очень внимателен ко всем окружающим, ко всем без исключения, даже к таксистам. Если таксист не знает маршрута, он на удивление вежливо и обходительно разъяснит, как нужно ехать.

Я рассмеялся тогда этому замечанию, но согласился, ведь в наше время у человека с достатком подобное качество не часто встретишь.

Другие истории, рассказанные моим знакомым о Кидо-сан, тоже показались мне неожиданными, включая несколько впечатляющих эпизодов, о которых сам Кидо-сан никогда не упоминал. И наконец я увидел перед собой его объемную фигуру – человека средних лет, моего ровесника, грустного и одинокого. Я использую здесь несколько банальное выражение, но я увидел в нем настоящего героя романа.

Когда я писал этот роман, я беседовал со своим приятелем-адвокатом и другими людьми, собирая материал, который Кидо-сан из соображений конфиденциальности держал в секрете, развил сюжетную линию и превратил историю в художественное произведение. Думаю, из чувства профессионального долга Кидо-сан никогда и никому не раскрывал полученную информацию, но я следовал замыслу романа.

На страницах книги появляется много персонажей, довольно причудливых. Может, кого-то из читателей удивит, почему на роль главного героя я не выбрал одного из них.

Кидо-сан действительно станет одержимым жизнью одного неизвестного мужчины. И мне показалось, что внимание стоит сосредоточить именно на Кидо, который преследовал того человека.

У Рене Магритта есть картина «Запрещенная репродукция» с изображением человека, стоящего перед зеркалом, в котором его отражение также показано со спины. История в моей книге чем-то похожа на эту картину. Кто-то из читателей, возможно, посчитает главным героем самого автора, который преследует Кидо-сан.

Кто-то, прочитав «Пролог», также может усомниться, что человек, с которым я встречался в баре, и правда Кидо-сан. Это вполне понятно, но лично я верю, что он тот, за кого себя выдает.

Казалось бы, естественно начать рассказ с него, но прежде я хотел бы написать о женщине по имени Риэ, потому что именно в тех очень странных и трагических испытаниях, которые ей пришлось пережить, кроется исходная точка этой истории.

Глава 1

Где-то в середине сентября 2011 года среди местных жителей разнеслась весть о том, что муж той самой Риэ из магазина канцелярских товаров скончался.

Год запомнился всем Великим восточно-японским землетрясением, но в городке S, расположенном в центре префектуры Миядзаки, именно смерть этого человека отложились у всех в памяти. В маленьком провинциальном городке с населением тридцать тысяч человек было немало тех, кто в жизни не встречал никого из региона Тохоку, теперь разрушенного землетрясением. Среди них была и мать Риэ.

Судя по карте, через центр города проходит старинный тракт Мэра, который тянется через горы Кюсю и заканчивается в Кумамото. На месте выясняется, что у города простая планировка. От города Миядзаки на юго-востоке Японии на машине сюда можно добраться примерно за сорок минут.

Те, кто увлекаются древней историей, при упоминании города S, как выяснилось, сразу же вспоминают огромный курган с большим количеством некрополей на территории вокруг него. Любители профессионального бейсбола знают город как место весеннего тренировочного лагеря одной из команд, а любители дамб – как место с самой большой дамбой на острове Кюсю. Все это придает особый характер городу, однако Риэ, как это и свойственно местным жителям, не проявляла особого интереса ни к чему из перечисленного. Разве что особую привязанность она испытывала к деревьям сакуры в парке, расположенном вокруг древнего кургана.

Люди постепенно уезжали из провинции в города: в восьмидесятых все жители одной небольшой деревни в горах массово ее покинули, об этих событиях в 2007 году даже вышел документальный фильм. После этого и в городке S стали появляться невиданные прежде туристы, которые, снисходительно поглядывая на местных, бродили здесь, маниакально охваченные идеей увидеть умирающий на глазах «город-призрак».

На волне экономики «мыльного пузыря» в 1980-е центр города S оживился, но в последние годы из-за низкой рождаемости и старения населения многие магазины на главной торговой улице закрылись, а местные с печалью стали называть ее «курган эпохи Сёва»¹.

Одним из немногих оставшихся магазинов в торговом квартале вдоль шоссе Мэра был магазинчик канцелярских принадлежностей «Сэйбундо», принадлежавший родителям Риэ.

Покойный муж Риэ, Дайскэ Танигути, переехал в город как раз перед тем, как тема «городов-призраков», поднятая в документальном фильме, начала набирать популярность.

У него не было опыта, но он решил работать на лесозаготовках. В тридцать пять лет устроился на работу в компанию «Лесоводство Ито». За четыре года он проявил себя как старательный работник, чьи заслуги оценил даже директор компании, но, к несчастью, Дайскэ погиб, когда на него упала криптомерия², которую он сам и срубил. К тому времени ему было тридцать девять лет.

Дайскэ был замкнутым, круг его общения ограничивался коллегами на работе, поэтому о его прошлом знала разве что Риэ. Можно, вероятно, назвать его человеком-загадкой, но среди тех, кто переезжают в провинцию, нередко можно встретить людей, которым есть, что скрывать о своем прошлом.

¹ Традиционно в Японии используется система летоисчисления по девизам правящих императоров. Сёва – девиз правления императора Хирохито; период в истории Японии с 25 декабря 1926 года по 7 января 1989 года. *Здесь и далее примечания редактора.*

² Японский кедр.

Хотя, в отличие от остальных переселенцев, не прошло и года после его переезда, как Дайскэ женился. Его избранницей стала дочка владельцев канцелярского магазина – Риэ.

Риэ была единственной дочерью в семье, а магазин родителей, открытый еще ее дедом, знали все в городе. Несмотря на чужаковатость, мыслила она исключительно здраво, за что окружающие прониклись к ней уважением. И хотя выбор партнера для брака и был удивительным, но все пришли к выводу, что Риэ приняла такое решение, как следует узнав его и выяснив, что у этого человека нет никаких темных историй. Это положило конец домыслам местных о прошлом Дайскэ Танигути.

Директор компании «Лесоводство Ито» тоже был рад этому союзу, ведь его лесоруб, несмотря на тихий характер, оказался решительным в сердечных делах, да и наличие семьи повышало шансы на то, что он останется здесь работать постоянно. Даже чиновники в городском управлении, занимающиеся вопросами миграции между городом и деревней, приводили этот брак как идеальный пример.

Отчасти благодаря тому, что Дайскэ Танигути был мужем Риэ, никто никогда не мог сказать о нем плохого слова. Даже если кому-то и приходило в голову бросить за его спиной какое-то нелицеприятное замечание, это вызывало протест, и большинство вставали на его защиту. Иными словами, им дорожили.

Про таких, как он, можно скорее сказать «спокойный», нежели «мрачный» человек; он не был склонен первым заводить разговор, но если кто-то обращался к нему, то он, как ни странно, отвечал очень открыто и дружелюбно. Вокруг него витала особая аура спокойствия, и директор Ито, скрестив руки на груди, частенько поговаривал: «Стоящий это парень». Дайскэ никогда не сердился и не хмурился, однако, если что-то в работе ему казалось опасным или неэффективным, он мягко, но настойчиво высказывал свое мнение. Беседы на лесозаготовках, где несчастные случаи бывают часто, как правило, ведутся грубовато и на высоких тонах, но благодаря одному этому новичку количество несчастных случаев уменьшилось.

Говорят, чтобы научиться валить лес с определенным мастерством, начиная с работы бензопилой и постепенно переходя к операциям с более сложными процессорами и грейферами, необходимо три года. Дайскэ стал уверенно работать лесорубом уже через полтора года. Он хорошо анализировал ситуацию, действовал уверенно, был крепок физически и эмоционально стабилен.

И под палящим летним солнцем, и когда шел мокрый снег зимой, он был сосредоточен и никогда не жаловался, что даже опытные бригадиры на лесоповале советовали ему, чтобы он не стеснялся говорить, если что не так. Новый сотрудник – это кот в мешке, но директор Ито всегда хвастался коллегам из других компаний, что в лице Танигути нашел настоящий клад, предполагая, что все это благодаря тому, что его новый лесоруб был выпускником университета.

Компанией «Лесоводство Ито» управляло уже третье поколение семейства Ито, но такой лесоруб у них был впервые.

После смерти Дайскэ соседи, знавшие Риэ много лет, с горестью говорили, что «с ней недолга стала». Этим устаревшим выражением, которое означает несчастливую судьбу, по-прежнему пользуются в диалектах Кюсю в повседневной речи. Особенно часто так говорят старики, произнося эти слова с глубоким сочувствием, основанным на своем многолетнем жизненном опыте. Хотя, разумеется, это не значит, что только жителей Кюсю преследует злая судьба или что они склонны к фатализму.

Несчастье может постигнуть каждого. Но когда происходит что-то по-настоящему плохое, люди склонны верить, что такое бывает лишь раз в жизни. Счастливые люди верят в это просто потому, что плохо знают жизнь. Те, на чью долю уже выпадало несчастье, молятся о том, чтобы больше такого не случилось. Но большие несчастья, и одного из которых было бы

достаточно, к сожалению, похожи на бродячих собак, которые приходят и второй, и третий раз. Когда несчастья преследуют человека, кто-то совершает очищающие церемонии в святилищах, а кто-то даже меняет имя.

Риэ кроме Дайскэ потеряла еще двоих близких людей.

До окончания старших классов Риэ жила в доме своих родителей в городе S, затем она поступила в университет префектуры Канагава, после чего устроилась на работу, а в двадцать пять лет вышла за своего первого мужа, работавшего в архитектурном бюро.

У них родились два ребенка: старший сын Юто и младший Рё.

В два года у Рё обнаружили неизлечимую опухоль мозга, а через шесть месяцев ребенок умер. Для Риэ, которая прожила счастливую юность и молодые годы, это было первое жизненное потрясение.

Вместе с мужем Риэ боролась за жизнь сына. Но даже после того, как его не стало, она никогда больше не могла избавиться от этой раны. Муж говорил о том, что нужно продолжать жить дальше одной семьей, поддерживая друг друга, но она только качала головой. Бракоразводное дело затянулось, и понадобилось одиннадцать месяцев, чтобы достичь соглашения. Риэ повезло с адвокатом, право родительской опеки над сыном, на которое претендовал муж Риэ, осталось у нее. От родителей мужа, с которыми она поддерживала теплые отношения со свадьбы, пришла открытка, где было написано: «Ты настоящая дрянь!»

А вскоре умер и отец Риэ. Вместе с Юто Риэ решила вернуться в дом родителей в городе S.

История Риэ вызывала у местных особую жалость, ведь ее знали и любили с детства как «хорошую девочку».

Она была невысокого роста, миниатюрная, с миловидной внешностью, взгляд всегда устремлен куда-то вдаль, словно она размышляла о чем-то таком, что известно только ей. Она была спокойной и немногословной, друзья часто подтрунивали над ней, говоря: «Знаменитый взгляд Риэ в никуда!»

Риэ не хватала звезд с неба, но училась хорошо, и даже когда она перешла в подготовительную школу при университете в Миядзаки, куда нужно было целый час ехать на автобусе, а не в местную школу, ее друзья восприняли это как нечто само собой разумеющееся. Несмотря на тихий нрав, и в средних, и в старших классах всегда находилось два-три мальчика, которые в классе или в школьной рекреации тайно бросали на нее влюбленные взгляды.

Ее родители безмерно гордились своей единственной дочерью, ведь она окончила университет в большом городе Йокогаме, вышла замуж за начинающего архитектора, да еще и родила детей. Никому из окружающих не приходило в голову завидовать счастью Риэ.

Иными словами, все представляли, что жизнь Риэ должна была сложиться совсем иначе. Ни знакомые, ни бывшие одноклассники не сомневались, что она счастлива, поэтому, когда окружающие узнали, что у нее умер маленький ребенок и она развелась и вернулась в родительский дом, ей не просто сочувствовали, все потеряли дар речи от несправедливости жизни. Мысль о том, что мир, в котором они жили, был таким жестоким местом, вызывала чувство тревоги. Когда Риэ потеряла своего второго мужа после трех лет и девяти месяцев брака, разумеется, никому и в голову не пришло сказать что-то плохое о Дайскэ еще и потому, что он был мужем «той самой» Риэ.

Риэ познакомилась с Дайскэ в то время, когда стала управлять канцелярским магазином вместо своей матери. Она стояла за кассой, развозила на машине канцелярские товары в местные компании, мэрию, свою бывшую среднюю школу – дни мелькали как в тумане. Когда она встречала знакомых, они старались утешить ее, но было и много новых клиентов, ведь от отца ей перешли и дела по дистрибуции товаров крупной компании, занимающейся почтовыми заказами. И с этими людьми ей было легче работать.

Когда Риэ оставалась одна, она думала об умершем сыне и часто плакала. До сих пор у нее перед глазами было лицо Рё, который смирно лежал и смотрел в потолок. Она вышла из палаты, чтобы переговорить с врачом, а когда вернулась, увидела его таким. О чем он тогда думал? Что он чувствовал? Мыслительные способности, которые должны были прослужить ему еще многие и многие десятилетия, понадобились, лишь чтобы осознавать приближающуюся смерть. Хотя он, должно быть, до самого конца не понимал, что за страшная беда происходит с ним... Стоило Риэ вспомнить этот момент, как она сползала на пол, не в силах стоять. Она закрывала ладонями лицо.

Когда она думала о воспитании своего старшего сына Юто, то говорила себе, что нужно держаться ради него. В силу возраста он не мог понять, что такое смерть, поэтому после переезда к бабушке вел себя бодро и весело, став единственным спасением Риэ.

Она вспоминала отца. Ни разу в жизни он не повысил на нее голос и всегда обращался с дочерью с любовью. Риэ не была религиозным человеком, ее семья придерживалась традиций школы Дзёдо³ только в похоронных обрядах. Но она часто представляла, как отец, *дедушка* Рё, присматривает там на небесах за ее мальчиком. От этой мысли ей становилось чуть легче.

– Отец отправился на небеса немного раньше, чтобы Рё не было там одиноко. Наверняка он просто переживал, поэтому и поспешил за ним. Для тебя, Риэ, уходить еще слишком рано, вот он и ушел, чтобы ты не переживала, – говорила ее мать, которая и правда в это верила.

Четырнадцать лет назад, после окончания школы, Риэ уехала из родных мест, но теперь здешняя жизнь была для нее своего рода утешением. Порой, когда она сидела за рабочим столом в магазине, ее охватывало такое чувство пустоты, что она с беспокойством думала, справится ли с ним. Будто бы застежка, прикреплявшая ее к этому миру, расстегнулась, ей было больше не за что зацепиться, а время просто проходило мимо. Словно бы ил, лежавший на дне старого пруда, по какой-то причине поднялся на поверхность, у нее вдруг всплыла мысль: а может быть, умирать вовсе не так и страшно. Ведь через это уже прошел даже маленький Рё и ждет ее там, по ту сторону, вместе с ее отцом. В такие моменты, когда эта мысль незаметно появлялась, она чувствовала, как что-то леденеет внутри от страха.

Первое время после возвращения домой Риэ с завистью смотрела на страницы своих друзей из Йогоамы в социальных сетях. Но потом неделю она не открывала интернет и обнаружила, что интерес к фотографиям и комментариям вдруг пропал, чему она и сама удивилась.

В магазине было малоллюдно, но благодаря интернет-заказам ей хватало денег, чтобы прожить с матерью и сыном. Однако будущее представлялось ей вовсе не радужным.

Ежегодно она приезжала в гости на Новый год и праздник Обон⁴ к родителям и видела, что магазинчики в торговом квартале закрыты, но когда она стала здесь жить постоянно, то с тоской почувствовала, будто ее бросили одну в доме – большом, пустом, приходящем в негодность.

На втором этаже здания через дорогу от магазина раньше находилась музыкальная студия, где она обучалась игре на фортепиано восемь лет. Теперь студия закрылась, а здание совершенно заброшено. Не заглядывала даже молодежь с баллончиками краски, чтобы нарисовать граффити.

В детстве раз в неделю Риэ переходила через улицу на занятия, а затем возвращалась в магазин, где делала домашнее задание, ожидая, пока папа закончит работу. От магазина до дома было рукой подать, но те поездки на машине вдвоем, когда она сидела на пассажирском кресле, теперь вызвали невероятно теплые чувства.

³ Школа Дзёдо (школа «Чистой земли») – направление японского буддизма, получившее распространение в XII веке. Особенности школы заключаются в вере в силу Будды Амида и возгласении его имени.

⁴ Японский праздник поминовения усопших, традиционно проходящий летом. В это время в Японии принято посещать семейные могилы, отдавая дань уважения предкам.

Стоит ли ей переехать поближе к столице? Или, может, податься в Хакату⁵? Найти там новую работу? Такие мысли время от времени приходили ей в голову, но протягивать к ним руку и претворять их в жизнь ей не хотелось, поэтому она просто ждала, пока они не исчезнут сами.

Дайскэ Танигути впервые пришел в магазин «Сэйбундо» в феврале следующего года после возвращения Риэ домой.

Хотя в городе S погода обычно была намного теплее, чем в Йокогаме, Риэ уже привыкла жить в современном доме со всеми удобствами, поэтому холодный дом родителей зимой оказался для нее испытанием. Особенно холодно было в ванной, из-за этого той зимой Риэ и Юто дважды болели простудой, а бабушка ухаживала за ними.

Это случилось как раз после ее выздоровления.

Ближе к вечеру, когда в магазин обычно заглядывали школьники, чтобы купить тетрадки и ручки, вошел Дайскэ. На улице уже было темно, Риэ собиралась поменяться с мамой и отправиться домой, чтобы приготовить ужин.

В магазин редко кто заходил, поэтому Риэ обратила внимание на незнакомого ей мужчину примерно ее возраста. На кассу он принес не только записную книжку, но и альбом для скетчей и набор акварели. Он был худой, чуть выше миниатюрной Риэ, поэтому она смотрела на него снизу вверх. Одет просто, синяя ветровка и джинсы, но почему-то было сразу понятно, что он не местный.

Отклеивая ценник с записной книжки, Риэ представляла себе, как и почему этот человек начинает новую жизнь в ее городе. Об этом думала не только она, но и любой житель города, который его встречал. Когда он выходил из магазина, она еще раз крикнула ему вслед: «Спасибо за покупку!» – и почему-то почувствовала, провожая его взглядом, что в жизни этого человека было много историй.

Не прошло и месяца, как Дайскэ снова появился в магазине и купил альбом для скетчей и краски.

С утра был проливной дождь, старинная приятельница матери Риэ, Окумура, чтобы скоротать время, стояла в магазине, держа в руках побеги бамбука.

Дайскэ как раз направлялся к кассе, но притормозил, заметив ее.

– Проходите, пожалуйста, – сказала Риэ.

– Ой, молодой человек, я вам путь преградила, – произнесла Окумура, сделав шаг в сторону. Дайскэ слегка поклонился и положил товары на прилавок.

– Ну и дождь, – продолжила Окумура.

– Да уж, – ответил Дайскэ с улыбкой.

Возле магазина стояла его белая малолитражка.

– Вам нужен чек? – спросила Риэ.

– Нет... спасибо, – сказал он и опустил голову.

А затем он, видимо, почувствовал, что на него смотрят, резко поднял голову и заглянул прямо в глаза Риэ. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, будто он спросил о чем-то. Однако Дайскэ так ничего и не сказал, отвел взгляд, поклонился и вышел из магазина. Он сел в машину, которую поливал дождь, и уехал.

С тех пор этот неизвестный покупатель приходил примерно раз в месяц и покупал альбомы для скетчей и художественные принадлежности.

Обычно он появлялся вечером. Сначала он покупал альбомы формата A3, а потом стал приобретать еще и формата A5. Эти товары обычно покупают старшеклассники из школьной изостудии, поэтому, оформляя заказы на склад, Риэ каждый раз вспоминала и о нем.

⁵ Хаката – центральный торговый и деловой район Фукуоки, города на юго-западе Японии.

Прошло еще полгода, у Юто тогда как раз заканчивались летние каникулы.

В тот день тоже шел сильный дождь, в районе трех часов в магазин вошел Дайскэ.

Густые грозовые облака накрыли город, Риэ каждый раз вздрагивала, когда после вспышки молнии разносились грохочущие раскаты.

Когда он открыл дверь, внутрь ворвался стрекот цикад, поющих среди зелени деревьев вдоль улицы, вместе с тяжелым жарким воздухом, но дверь сразу же закрылась.

В этот раз Окумура опять пряталась в магазине от дождя, коротая время за болтовней с матерью Риэ. Она сидела на стуле и ела паровую булочку – мандзю.

– А вы, молодой человек, смотрю, рисованием увлекаетесь? – спросила она.

Казалось, что он удивился вопросу, но через мгновение с улыбкой ответил:

– Да.

– Мой покупатель рассказывал, что видел, как вы рисовали пейзажи. На лужайке у реки Хитоцусэ. Это ведь вы были? Наверное, у вас уже много зарисовок скопилось?

Дайскэ лишь слегка кивнул, улыбаясь ей в ответ.

– Покажите нам в следующий раз, когда здесь будете. Риэ-тян, ты ведь тоже хочешь посмотреть, правда?

Риэ поняла, что Окумура просит его об этом не просто из любопытства, а чтобы что-то выведать об этом неизвестном посетителе. И сразу же явственно вспомнила, как в подростковом возрасте ей хотелось сбежать из этого тихого провинциального городка, который она должна была любить.

Она почувствовала себя виноватой перед этим молчаливым человеком, их постоянным покупателем, который специально переехал в тихий городок.

– Тетя Окумура, вы ставите нашего покупателя в неловкое положение. Простите, не обращайтесь внимания. Ждем вас вновь за покупками.

– Ничего страшного. Мои работы вряд ли достаточно хороши, чтобы кому-то показывать...

С этими словами он, как и в прошлые разы, быстро вышел из магазина.

Окумура с улыбкой посмотрела на Риэ и ее мать.

Глава 2

Риэ подумала: «А вдруг этот человек больше не придет?» И от этой мысли ей стало как-то тоскливо.

И причина была не в том, что она больше не сможет его встретить. По крайней мере, в тот момент. Ей стало просто жаль, что из-за неосторожных слов соседки этот одинокий с виду человек, может быть, уедет из их города. Такое же грустное чувство испытываешь, когда кто-то случайно роняет очень ценный и хрупкий предмет, которым ты всегда дорожил, боясь сломать.

Но вопреки ее опасениям, он пришел и на следующей неделе, как всегда один, вечером буднего дня. Наверное, он тоже догадывался о тех разговорах, которые за его спиной вели местные.

– Вот здесь... – С этими словами Дайскэ протянул Риэ два альбома с рисунками. Видимо, он повсюду носил их с собой, потому что края зеленых обложек совсем затерлись.

Мать Риэ ушла, в магазине покупателей больше не было, они остались вдвоем.

– Вы принесли их мне? – с улыбкой спросила Риэ.

Она открыла альбом, на первой странице был пейзаж острова Аосима в префектуре Миядзакі. Каменистый пляж, напоминающий подернутое рябью море, как называют его местные – «Чертовкина доска для стирки»⁶, врата-тории святилища Аосима и морская гладь, в которой отражалось высокое голубое небо с линией морского горизонта вдаль.

Риэ подняла голову и посмотрела на постоянного покупателя, чьего имени пока не знала. Он стоял все с тем же строгим выражением на лице. Кажется, он попытался улыбнуться, дрогнул мускул на лице, но улыбки не вышло.

Риэ перелистывала страницу за страницей: та самая река Хитоцусэ и парк, дамба на окраине города, древний курган с вишнями в полном цвету... Каких только зарисовок здесь не было – от туристических достопримечательностей, где было не удивительно встретить приезжих из других краев, до самых обычных видов, которые вряд ли привлекли бы внимание местных, хотя для гостей, вероятно, выглядели необычно. В альбоме были и черно-белые скетчи, и акварельные цветные наброски.

Особенного мастерства в его работах не было, но и плохим рисование было не назвать. Риэ вспомнила рисунки одноклассника, который лучше всех рисовал в их классе.

Большинство людей рисуют на уроках труда или рисования в начальной школе, а потом бросают это занятие. Возможно, любой взрослый, получивший вдруг кисть и бумагу в руки, нарисовал бы примерно так, как и этот человек, словно его мастерство совсем не развивалось со школьных времен.

Однако он продолжал рисовать, в то время как остальные нет. Возможно, его мастерство не совершенствовалось, но он все равно с упорством продолжал рисовать. Назовите это хоть взрослением, хоть старением, но разве у большинства людей возраст позволяет и дальше заниматься такими детскими забавами?

Ведь он был взрослым человеком лет тридцати пяти – наверное, одного возраста с Риэ – и продолжал рисовать беззаботные картинки, и не просто одну ради забавы, он молча изрисовывал один блокнот за другим. Риэ это глубоко тронуло.

Неужели, когда он смотрел на мир, тот казался ему таким незамутненным? Интересно, какова была жизнь у этого человека, раз он может спокойно принять такую реальность?

Риэ минут пятнадцать неторопливо перелистывала страницы. Она надеялась, что никто из покупателей больше не придет.

⁶ Природный феномен острова Аосима. Ряды скал получили такое название из-за сходства со старинными деревянными досками для стирки белья.

В итоге ее взгляд упал на рисунок в конце второго блокнота. На нем было здание автобусной станции, откуда она каждый день в школьные годы добиралась до Миядзаки.

Теперь она частенько проходила мимо станции, но почему-то, именно взглянув на рисунок, на глаза вдруг навернулись слезы. Она даже удивилась своей реакции.

Потом она еще несколько раз задавалась вопросом, почему заплакала в тот момент.

Риэ пришла к выводу, что причина – в ее тяжелом эмоциональном состоянии. Словно бы не только боль после смерти Рё и отца, но и все проблемы, которые незаметно накапливались после возвращения в родной город, из-за нескольких последних капель вдруг вырвались наружу, разорвав внешнюю оболочку.

Когда она, еще школьница, сидела в зале на станции и ждала автобуса в Миядзаки, она и представить себе не могла, что когда-то в будущем уедет в Йокогаму, найдет там работу, выйдет замуж, родит двоих детей, одного из которых потеряет в младенчестве, а затем разведется и вернется в родной город.

Прошло пятнадцать лет с тех пор, но этот рисунок прозрачной акварелью изображал здание станции именно таким, каким оно сохранилось в ее памяти. Единственное отличие заключалось в том, что там больше не было девочки-подростка в школьной форме.

Возможно, эта мысль промелькнула в мозгу и позже, когда она перебирала в памяти тот момент. А тогда в мгновение эмоции выплеснулись наружу, подавив все остальное.

– Вы хорошо рисуете. Простите, что я так расчувствовалась, просто очень хорошо знаю это место, вспомнила прошлое, – сказала она с улыбкой и вытерла пальцами щеку.

Она аккуратно закрыла альбом, чтобы не намочить его, а затем прикрыла рот рукой, чтобы успокоиться, и вновь улыбнулась.

Но, к ее удивлению, постоянный клиент, который все это время просто стоял молча, теперь смотрел прямо ей в лицо, а его глаза были красными и, как и у нее, полными слез.

Он поспешно опустил взгляд, как ей подумалось, не из-за стеснения, а словно бы только что выдал свой секрет, а затем сделал шаг к ближайшему стеллажу с товарами. Через некоторое время он вернулся с красной ручкой, которую, казалось, выбрал наугад. Слез уже не было.

Пока Дайскэ ждал, когда она его рассчитает, его губы были плотно сжаты, он так ничего и не сказал.

Риэ тоже молчала. Она не могла понять, что происходит, но ощущение спокойствия, которое рождалось в преддверии ночи от света уличных фонарей, вызывало в ней нежность, и ей не хотелось разрушать эту атмосферу.

Следующий раз Дайскэ пришел в магазин через неделю. Вместо дежурного приветствия «Добро пожаловать!» она сказала просто «Здравствуйте». Дайскэ ответил ей: «Добрый день», а когда заплатил за бумагу для принтера и канцелярские принадлежности, поднял голову.

– Извините...

– Что?

Риэ смотрела на него с ожиданием широко распахнутыми глазами.

– Если для вас это не будет помехой, не могли бы мы стать друзьями?

– Что? Ну да, конечно...

С недоумением она кивнула. Она разволновалась, сама не понимая, удивление или радость вызвали его слова.

Когда же последний раз она слышала слово «друг»? Казалось, прошла уже целая вечность, но разве так могло быть? Ведь и в Йокогаме, и после возвращения домой она должна была и видеть, и слышать это слово множество раз. Даже в социальной сети, куда она теперь больше не заходила, у нее было не меньше «друзей», чем у остальных, да и в ее родном городе было достаточно друзей детства.

Однако, когда слово «друг» прозвучало из уст этого человека, оно, казалось, стало означать что-то новое. А может, даже в детстве никто не предлагал ей своей дружбы так открыто? Если трезво подумать, то подобный вопрос от взрослого человека мог даже напугать, но Риэ не насторожилась, ведь она видела его альбом с набросками.

Но что же он имел в виду, когда просил стать *его другом*?

Она толком не поняла, на что дала свое согласие.

– А как вас зовут?

– Дайскэ Танигути.

Дайскэ достал из кармана визитную карточку; видимо, заранее приготовил ее. Руки слегка дрожали, но он пытался это скрыть. На карточке были указаны название компании – «Лесоводство Ито», номер мобильного телефона и адрес электронной почты.

– Простите, у меня нет при себе визитки... Меня зовут Риэ Такэмото. Давайте запишу вот здесь.

Риэ протянула руку к желтому листку для записей, лежавшему рядом с кассой.

– Может быть, мы могли бы поужинать в ближайшее воскресенье?

– В воскресенье мне нужно будет посидеть с сыном, – сказала Риэ так, чтобы не вызвать недопонимания.

– Вы замужем?

– Была. Мы развелись, и я с ребенком вернулась в дом родителей.

– Понятно. Извините, я не знал.

– Я бы напугалась, если бы вы предложили мне это, зная о моей истории. Так что и наша дружба может заключаться разве в том, чтобы поболтать в этом магазине. Вас это устроит?

– Да. Конечно. Мне этого будет достаточно.

– Иногда по работе мне приходится уезжать. Но обычно я почти весь день в магазине. Как вы видите, я не очень загружена работой, так что приходите в любое время, покажете мне свои эскизы. Можете даже ничего не покупать.

С тех пор Дайскэ стал заглядывать в магазин примерно раз в десять дней, и беседы становились все длиннее. Риэ теперь иногда оставляла магазин на попечение матери и выходила с ним попить чай или прогуляться. Дайскэ работал на лесозаготовках, его рабочий день заканчивался около четырех. Последнее время он работал на горе неподалеку, поэтому после работы сразу же приходил к ней.

Некоторое время Риэ избегала темы его прошлого, но все же решила задать вопрос.

Из-за сильного дождя, который зарядил с ночи, Дайскэ не пошел на работу и пришел в магазин в обеденное время. Они решили вместе пообедать в ресторанчике по соседству, который специализировался на блюдах из угря.

Она думала, что он не очень хочет говорить о своем прошлом, поэтому сдерживалась от расспросов, но в последнее время почувствовала, что ему все же хочется, чтобы она что-нибудь спросила.

После обеда они пили горячий чай, и Дайскэ после некоторого колебания начал свою историю.

Он был младшим сыном владельца гостиницы на горячих источниках Икахо в префектуре Гумма. У него был брат на год старше.

Старший брат был неплохим парнем, но, как это нередко случается со старшими детьми, осознание того, что именно он рано или поздно унаследует семейный бизнес, отвратило его от учебы. Со средних классов он начал прогуливать занятия, создавая немало проблем родителям. Тем не менее ему удалось поступить в частный университет в Токио, после чего он два года учился в Америке, а по возвращении в Японию вместе с друзьями открыл ресторан в Токио.

Мать и отец Дайскэ очень любили брата, настойчиво уговаривали его вернуться домой, однако в конце концов сдались и от безвыходности решили передать семейные дела младшему сыну. К счастью или нет, Дайскэ был более скромный, чем его брат, и окончил экономический факультет местного государственного университета.

Поступив на работу в компанию отца, Дайскэ усердно взялся за дело, чтобы хоть как-то успокоить разочаровавшихся родителей. Со временем родители постепенно смирились с мыслью, что оставляют семейное дело младшему сыну. Однако через некоторое время старший брат обанкротился и вернулся с огромными долгами в отчий дом. Отец согласился выплатить долги при условии, что старший сын возьмет на себя управление гостиницей. Мать полностью поддержала это решение. Старший брат стал директором, а младшему пообещали должность заместителя директора.

Дайскэ понимал, что, независимо от названия должности, именно ему придется вести бизнес. Но он опасался, что это может испортить его отношения с братом. Ему и раньше было непонятно, почему родители сильнее любят старшего ребенка только потому, что он родился первым, и до сих пор он этого не понимал. Он и сам любил своего брата. Но это чувство было не совсем взаимным.

Через несколько лет у отца обнаружили рак печени. Ему тогда исполнился семьдесят один год. Болезнь находилась на поздней стадии. Единственное, что можно было сделать, – это пересадить печень донора, но даже при этом шансы были невысокими. Времени ждать подходящего донора с диагностированной смертью мозга уже не было, единственным вариантом оказалась пересадка печени от родственника. По результатам тестов выяснилось, что у старшего брата жировой гепатоз, – пересадка была невозможна. Но печень Дайскэ подходила, потому что была здоровой. Грустная ирония заключалась в том, что Дайскэ должен быть донором благодаря правильному образу жизни, который он вел, в отличие от брата.

Пересадка печени сопряжена с риском затяжных осложнений и для донора. Нельзя было исключать и летального исхода. Впервые в жизни отец поклонился Дайскэ, схватил его за руки и заплакал, умоляя исполнить «сыновний долг». Брат и мать говорили, что желают отцу долгой жизни, но никогда не утверждали, что Дайскэ обязан выполнить просьбу отца. Хотя и того, что он не обязан этого делать, они тоже не говорили. Они не предпринимали никаких попыток убедить отца передумать и всегда вели беседы, когда Дайскэ не было рядом. Когда Дайскэ приезжал навестить отца в больнице и видел, что они беседуют без него, он чувствовал себя неловко. Но он понимал, что времени уже не было, понимал, почему так торопился отец.

В результате Дайскэ согласился на то, чтобы стать донором. Ему, как и остальным, хотелось, чтобы отец прожил дольше, он хорошо понимал чувства матери и брата, поэтому сам сделал шаг вперед и принял такое решение.

Отец был по-настоящему рад. Это был единственный раз, когда он поблагодарил Дайскэ. Старший брат сказал, что когда-нибудь отдаст младшему все наследство отца. Мать тоже была рада.

Но, к сожалению, рак отца прогрессировал быстрее, чем прогнозировалось. И пока Дайскэ колебался согласиться ли на пересадку, оказалось уже слишком поздно.

Отец умер, а на его лице осталось выражение злобы и с трудом сдерживаемой ненависти.

Мать и сыновья скорбели, но в результате ни мать, ни брат так и не сказали ничего доброго о том решении, которое Дайскэ принял с таким трудом.

– Я тогда вздохнул с облегчением. Я хотел спасти отца, но чем больше я читал о последствиях для себя, тем страшнее мне становилось... А после его смерти я понял: что-то внутри меня сломалось и больше не станет таким, как прежде. Поэтому... я оборвал все контакты с семьей и уехал из города. Мне так хотелось уехать подальше... Больше я не собираюсь с ними встречаться никогда. И больше не буду рассказывать о своей семье.

Риэ выслушала признание Дайскэ до конца, ни разу не прервав. Она все пыталась представить, что творится в его душе: он приехал в этот провинциальный город, занялся тяжелыми и опасными лесозаготовками, рисовал картины на выходных и через шесть месяцев после их первой встречи, наконец, попросил Риэ стать его другом.

Она сочувствовала тому, что он пережил, и поняла, что как *друг* должна раскрыть какой-то свой секрет, который будет сопоставим по серьезности. Она рассказала о болезни и смерти сына, о разводе, причиной которого стали разногласия с мужем, о лечении ребенка, о смерти отца, после которой она решила вернуться домой.

Дайскэ неподвижно смотрел на Риэ, затем слегка опустил голову и кивнул головой два раза. Посетителей в ресторане становилось все меньше, со стола уже забрали поднос с посудой. Они оба молчали. Наконец Дайскэ, словно для этого ему нужна была смелость, потянулся и сжал руку Риэ, лежавшую на столе. Хотя, вероятно, будет правильнее сказать, что он осторожно накрыл ее руку своей рукой. Это оказалось неожиданным для Риэ, но тепло его рук, в мозолях от работы бензопилой, успокаивало и дарило чувство счастья. Не сделай он этого первым, возможно, это бы сделала она сама.

Несколько минут она не шевелилась. Рассматривая прозрачную пластмассовую кружку, помутневшую от времени, она размышляла, стоит ли ей принять эту перемену в своей жизни.

После свадьбы Дайскэ переехал жить в дом Риэ, у них родилась девочка, которую назвали Ханой. С Дайскэ случилась беда в горах, когда Юто было двенадцать лет, а Хане – три.

Когда Риэ примчалась в больницу, Дайскэ уже умер. Учитывая рискованный характер работы, он много раз говорил ей, что, если что-то случится, даже если он погибнет, ни в коем случае не связываться с его семьей в Гумме.

Риэ выполняла завещание Дайскэ до первой годовщины после его смерти, но затем, посоветовавшись с матерью, решила все же написать письмо его семье. Урна с прахом так и не была захоронена, и она хотела узнать их мнение по поводу могилы.

Риэ сожалела, что не настояла на том, чтобы муж помирился с семьей, пока был жив. Это была такая неожиданная смерть, столько осталось незавершенного.

Старший брат Дайскэ, Кёити Танигути, примчался в Миядзаки сразу после получения письма.

Риэ вышла на порог дома, чтобы встретить его. Глядя, как Кёити выходит перед их домом из арендованной машины, она подумала, что ее впечатление от фотографии и то, что она видит перед собой, не совпадает.

На нем были белые брюки, темно-синий пиджак, на поясе большой логотип какого-то бренда. Она знала, что внешне братья не похожи, но Дайскэ всегда рассказывал о брате как о хорошем, но непутевом человеке, а теперь перед ней был самоуверенный и высокомерный тип.

– Спасибо, что проделали такой путь, – сказала Риэ доброжелательно, словно обращалась к родственнику, но у Кёити было такое выражение на лице, будто он прикоснулся к чему-то страшному.

– У вас здесь тепло, – ответил он, пристально смотря на женщину, которая теперь носила его фамилию. Риэ заметила, что в очках от солнца, которые были зацеплены за воротник рубашки, отражаются ее мама с неловкой улыбкой и она сама.

Когда мать провела Кёити в гостиную, по коридору поплыл аромат его духов, слишком тяжелый для этого времени суток, забивая все остальные домашние запахи. Кёити сидел на диване, но, видимо, чувствовал себя неуютно, то и дело крутил головой, поглядывая на низкий потолок, сервант с посудой, на котором стояли фотографии. Казалось, он вот-вот невзначай обронит: «Вот, значит, где он умер».

В своем письме Риэ уже написала о том, когда Дайскэ приехал в город и как жил с тех пор. Когда Риэ подала кофе, Кёити даже не шевельнулся, чтобы притронуться к нему, а сказал:

– Простите, вам пришлось все это пережить в одиночку.

Риэ показались неожиданными его слова.

– Что вы... Это вы меня простите, что не связалась сразу же после его смерти.

– Давайте я оплачу расходы на церемонию, могилу и все остальное.

– Спасибо, не надо.

– Наверняка он плохо отзывался обо мне.

Кёити начал доставать из кармана пачку сигарет, но потом остановился. Риэ несколько секунд изучала его лицо.

– Он почти ничего не говорил о своем прошлом. Только то, что...

– Что он больше не хочет с нами встречаться? Понятно, я знаю об этом. Он всегда был сгустком комплексов, чувство собственной ущербности испортило его характер. Мне тяжело было находить с ним общий язык. Да мы с самого начала разные по характеру. Такое ведь бывает в семье, верно? Почему он не мог прожить достойную жизнь? Погибнуть на лесоповале под упавшим деревом... До самого конца остался хорошим сыном, скрывая все от нас. Да и я пока матери не говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.